

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

Рассказ о «последнем Иване»

«„Что бы это такое?“ – думаете вы, – „der letzte Ivan“, „последний из Иванов“, „сказание о последнем Иване“... Гм... Может быть, этим сказанием замыкается целый цикл народных песен и сказок об Иванах, которых, как известно, довольно много и в звании царевича, и в звании гостиного сына, и в качестве богатырей, и преимущественно в качестве умных дурачков. Может быть, народная фантазия, так плодovито разнообразившая сказочный тип Ивана, наконец завершила свою работу и распростилась окончательно с этим любимым образом?..»

Иван Сергеевич Аксаков
Рассказ о «последнем
Иване»

«Что бы это такое?» – думаете вы, – «der letzte Ivan», «последний из Иванов», «сказание о последнем Иване»... Гм... Может быть, этим сказанием замыкается целый цикл народных песен и сказок об Иванах, которых, как известно, довольно много и в звании царевича, и в звании гостиного сына, и в качестве богатырей, и преимущественно в качестве умных дурачков. Может быть, народная фантазия, так плодovито разнообразившая сказочный тип Ивана, наконец завершила свою работу и распростилась окончательно с этим любимым образом? Может быть... и вы собираетесь уже посоветоваться с вашим ученым сотрудником и знатоком русского легендарного и сказочного мира, г. Бессоновым... Остановитесь, любезный редактор. Мой Иван не миф, не сказочный герой, а простой солдат лейб-гвардии какого-то полка, Егор или Сидор, прозванный немцами *Иваном*, спокойно доживающий (а в настоящую минуту, может быть, уже и доживший) свой век в колонии Александровке, недалеко от Берлина, четверть часа езды от Потсдама или от знаменитого сада Sans-souci...

Я был в этой колонии еще в 1857 году и, недавно вспомнив об ней по какому-то случаю, подумал, что будет не лишним почтить наконец память этих позабытых Россией русских колонистов в Германии, послушно, по команде, лишившихся народности и отечества, – и передать вам то небольшое, что мне об них известно.

Я знал об этой колонии еще прежде и, отправляясь по долгу службы путешественника осматривать Потсдам и Сансуси, решился непременно посетить этих русских и поглядеть на их житье-бытье среди прусаков. Немцев-колонистов видал я в России немало; каковы-то русские колонисты в Немечине, думал я. Осмотревши дворцы и сады, где все, с истинным идолопоклонством, посвящено памяти Фридриха II (действительно ставшей в Пруссии предметом особенного культа), я заплутался в парке и, выйдя наконец в город, нанял извозчика – eine Droschke – чтобы ехать в колонию. К сожалению, я забыл своего бедкера в Берлине и никак не мог вспомнить названия колонии, а просто называл ее русской. Тупоумный извозчик долго не пони-

мал, в чем дело, уверял даже, что никакой русской колонии не имеется, – и наконец догадался... «А, знаю, знаю... Вам нужно то селение, где живут *Иваны!* So, so... Да их уж никак никого нет. Все перемерли... В последний раз, как я там был, оставался один-единственный Иван – ein einziger Ivan, aber er war der letzte, – но он был последний, такой уж старый»... – «Все равно, везите меня туда».

Мы тронулись. Минут через пять немец перекинулся с другим немцем несколькими словами на своем почти непонятном мне жаргоне и, обратившись ко мне, с радостным видом объявил, что есть – есть еще Иван в колонии, – тот самый, которого и он знает, – последний! Через четверть часа немецкой езды, прямо из аллеи, ведущей от городских ворот, называемых Jagerthor, очутились мы в *Александровке*. По обеим сторонам дороги – широкой, похожей на аллею – расположены были 10 или 12 *русских изб*... Я называю их русскими избами потому, что эти дома действительно глядели чем-то русским. Все они деревянные, нештукатуренные (как мне показалось) и фасадом своим, своими деревянными поло-

тенцами по бокам и заборами, огораживавшими их дворы и огороды, напоминали избы. Но и только. Крыты они и обшиты тесом, и внутренним расположением своим, как увидел я потом, ничем не отличались от помещений немецких. Тут же небольшая русская православная церковь и дом для священника. – «Кто же живет в этих домах?» – спросил я извозчика. – «Это уже не Ивановы, а дети и внуки Иванов», – отвечал он. – «Да ведь они такие же Ивановы, такие же русские?». – Извозчик усмехнулся. «Нет, они не Ивановы, они немцы, такие же как мы... А вот это Иван...» – сказал он, подъехав к одной избе. Я постучался у калитки забора. Немец-извозчик бросил за забор несколько приветственных слов по-немецки, наконец калитка как-то неохотно растворилась и навстречу мне вышел старичок в каком-то неряшеском балахоне, с плохо выбритым седым подбородком, с лицом – с типическим знакомым лицом отставного старого русского солдата, обжившегося в деревне!

– Вам что угодно? – спросил он меня по-немецки...

– Я русский путешественник, приехал посмотреть на русскую колонию, на стариков, которые остались в живых, – отвечал я по-русски.

Старик взглянул на меня как-то подозрительно и не выразил ни малейшей радости при свидании с соотечественником... «Да вы кто такие? – спросил он уже по-русски, обнаруживая своею речью долгую отвычку от русского языка – Офицер или чиновник, или помещик какой?». Я назвал себя.

– Чин имеете?

Я сказал и чин. Господи, – подумал я, – почти сорок лет каких-нибудь живет этот русский на чужбине близь Потсдама и, увидев русского, прежде всего осведомляется – о чине!..

– Я не знаю, *ваше высокоблагородие*, что вам и показать-то. Смотреть-то у нас, кажется, нечего...

– Ну, как вы здесь живете, хорошо?..

– Ничего, слава Богу, хорошо. Вот разве церковь захотите взглянуть, *ваше высокоблагородие*, – да не на кого оставить дом-то... Могенники, – прибавил он по-немецки, обраща-

ясь к извозчику, с которым он, при выходе за калитку, тотчас же дружески поздоровался. – Мошенники! Посмотри, Иоган, – при этом он указал ему на яблоню в своем саду. – Как ее нынче ночью отделили, сколько яблок сняли!..

– Мальчишки, должно быть, – заметил Иоган.

– Мальчишки, да, – все вот этот негодяй Фриц. И в огороде помяли...

Старика очевидно происшествие с яблоней заняло гораздо сильнее, чем мой приезд, однако он подозвал какую-то девочку и, приказав ей стеречь у калитки, повел меня осматривать свое помещение, свой небольшой фруктовый садик, свой маленький огородец, повел и к церкви, хотел ее показать, но сторожа в то время не было дома. Кажется – не помню хорошенько – священник и не жил постоянно в Александровке, а только навещал ее из Берлина по праздникам.

Дорогой я старался расспросить подробно Ивана о том – как, по какому случаю, когда он попал сюда, как прожил он и его товарищи почти четыре десятка лет в Германии, вне

России? Старик был несловоохотлив; мне показалось даже, что его затруднял русский язык, хотя выражался он простою русскою речью; да и вообще он не отличался ни живостью, ни толком. Сорок лет пребывания в Немечине не сделали его немцем, но зато стерли с него русскую краску; не выучили его немецкой науке, не придали ему лоска немецкой цивилизации, но зато лишили его, казалось мне, сметливости и толковитости простого русского человека. Он полинял, отупел, примирился с своею участью колониста и несравненно больше был озабочен урожаем своих овощей и яблонь, нежели воспоминаниями о России. А конечно, он был не таков, когда в первый раз привели его сюда на потеху его королевского величества! Верно, щемило его сердце, долго и долго, тоскою по родине; наконец и тоска заглохла; солдат смотрел на свое изгнание из России, как на службу, на себя не как на русского человека, а как на человека подневольного, как на солдата, одним словом, — «начальство приказало, ничего не поделаешь», постепенно тупел и превратился в то безличное и безнародное существо, кото-

рое, смутно припоминая былое, отвечало теперь на мои расспросы.

Вот что я мог извлечь из разговора с стариком, продолжавшегося не более, если не менее, часа; вслед за тем я уехал не только из Потсдама, но из Берлина. Предупреждаю, что за совершенную верность рассказанного я не ручаюсь. В Берлине, конечно, у нашего священника есть сведения более точные, может быть, даже кто-нибудь из русских еще прежде меня посещал и описал эту колонию. Может быть – да, может быть – нет, и я передам вам только то, что слышано лично мною от «последнего Ивана».

– Я из крестьян такой-то губернии, – говорил он, – из крепостных. Служил в полку таком-то[1], был в полку песельником. Приехал в Москву Его Величество король прусский[2]. Делали ему парады; маневры делали. Понравились ему песельники. Вот Его Величество, покойный император Александр Павлович, и говорит ему: «Вот так и так, не хотите ли, ваше королевское величество, я вам снаряжу хор песельников?» – «Как же так?» – «Да так же». – Вот после парада-то и скомандовали:

«Песельники, вперед!» – от каждого полка значит. Вышли мы, выстроились. Тут подошло начальство, выбрали – кто был получше да был холостой. Женатых отослали. Выбрали нас человек 30. Ну, и говорят: «Жалуют вас Ею Величеству королю прусскому...»

– Но неужели, – спросил я старого песельника – вас не спрашивали – желаете ли вы?

– Да оно, пожалуй, и спрашивали. Государь велел – по доброй воле. Ну, да тут начальство, – что ответишь? Солдат, сами изволите знать, ваше высокоблагородие, рассуждать не может, коли начальство спрашивает. Известно: «ради стараться». Ну, вот отобрали нас, осмотрели, ну и скомандовали: марш! И погнали в Пруссию. Король обязался царю нас содержать хорошо, и церковь выстроить, и дома, и земли дать. Вот и дал, и построил.

– Как же вы потом-то жили? Я думаю, тосковали, на чужой стороне, среди немцев?..

Старик помолчал и потом прибавил: «Ничего, при старом короле, Ею Величестве Фридрихе-Вильгельме, дай Бог ему царствие небесное, нам было хорошо, он нас любил и жаловал. Бывало, как здесь в Потсдаме живет,

то как откушает, призовет нас и велит петь, и очень нами утешался. Ну, а при новом короле, – продолжал он, понизив голос, – пошло уж другое. Он до песен не охотник, и не призывал нас, – так себе живем... Совсем уж другое пошло»... И он вздохнул.

– Итак, с тех пор вы в России и не были?

– Нет, вот как Александровскую колонну ставили в Петербурге, так возили нас отсюда, через Данциг, на парад, тех, кто в живых был. Тут иные из нас и на родину ходили повидаться, – я уж не ходил...

– Ну, а теперь, не хочется вам на родину?..

– Да что уж тут. Отвык. Здесь прижился. Женились мы все на здешних, на немках все.

– Ну, а дети ваши, что они... Русские?..

– Да веры-то они нашей, православной, есть которые и по-русски понимают, а которые и совсем ничего не понимают. Ведь все с немками и с немцами, мать немка, сам-то по-русски говорить забудешь, а уж куда детям. Тоже в школу ходят, немецкую. Ну, а которые дочери замуж за немцев пошли, так дети уж и совсем здешние стали, и веры здешней...

– А русской грамоте знают ли?..

– Да кому учить-то? Вот я неграмотный, как был, так и есть, а для детей книжки такие устроены, молитвенники, молитвы там русские и слова русские, только немецкими буквами написаны и перевод есть. У нас и священник служит по-русски, а проповеди говорит по-немецки, чтоб понимали...

– Ну, как же вы с немцами-то?..

– Ничего, сжились... Оно бы все хорошо, только вот Бог урожая не дал. В прошлом году у меня картофель какой был!.. А теперь вот тяжело. Бедно, ваше высокоблагородие, трудно. Я же один, никого не осталось, ни товарищей-сверстников – все перемерли, да и семьи только – внучка... Надо уж мне домой идти, ваше высокоблагородие, – вот девочка бежит...

Девочка – совершенная немочка – прибежала звать деда, разумеется по-немецки: кто-то пришел, спрашивает, хочет купить что-то... Старик поспешил домой, и мы с ним простились.

Я вынес самое тяжелое впечатление из колонии. Каким образом эти 30 русских человек, так, ни с того ни с сего, послужили немцу

на потеху, лишены народности и отечества? Конечно, это была эпоха особенного русского великодушия, того великодушия, которое подарило австрийцам Бокко ди Каттаро, добытое кровью черногорцев, отделило Выборгскую губернию и часть Петербургской с 40 тысячами русских от России к Финляндии и – по свидетельству даже меморандума князя Горчакова – предназначалось отдать восстановленной Польше отторгнутые от нее древние русские земли, но, не решившись этого сделать, великодушно содействовало распространению полонизма. Конечно, то была пора особенного великодушия. Все же в приведенных примерах могло участвовать незнание, политическое заблуждение, бюрократическое отношение к населенным землям – как к географическим пространствам и выражениям, но подарить живых людей – Матвея, Петра, Семена?..

И что это за люди, которые так легко, без отпора, теряют свою национальность, чужестранятся так скоро, без борьбы и без сожаления? Я готов был предаться потоку самых черных размышлений о чувстве народности в

русском и вообще в славянском человеке, о слабости нашего гражданского сознания и нашей славянской природы. Но вспомнив, к счастью, наши старообрядческие слободы в Австрии, вспомнив этих *линован* (раскольников), сохранивших во всей чистоте и язык, и быт, и дух русский, я стал отыскивать другую причину тому печальному явлению, какое представилось мне в лице последнего Ивана. Эта причина – думаю я – в данном случае солдатство, солдатство *прежних* времен, долготное, тяжелое, разлучавшее крестьянина с его родиной, с его бытом почти навеки, создававшее из него послушную машину, двигающуюся только по приказу начальства, казенного человека – предававшего казне свою душу, ум, сердце, волю и получавшего, взамен, солдатский паек и того, и другого, и третьего... Слава Богу теперь о таком солдатстве существуют только предания, и солдат 1865 года так же мало похож на солдата той эпохи, как живой человек на автомата. Конечно, и подарки, вроде описанного мною, теперь также немислимы...

Последний «Иван», последний из подарен-

ных, родившийся в России, вероятно, уже умер, – и только 12 деревянных изб, с своими уже вполне немецкими обитателями, да название местности «Александровка» (Alexandrovka) стоят памятником-сувениром былой потехи короля прусского Фридриха-Вильгельма III и дружбы с ним Александра I Благословенного.

Примечания

1

Названия мною забыты.

[^^^]

2

Кажется, это было в 1818 году. Не к этому ли времени относится солдатская песня, которую покойный Н. И. Надеждин слышал в Молдавии, в одной деревне, населенной беглыми русскими? Песня между прочим пела: «И возговорит ему русский царь: Ах ты бедненький, бесталанненький; ты душа моя, король прусский»...

[^^^]